

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ваше Императорское Величество
Всемиловейший Государь!

На всеподданнейшем докладе г. министра юстиции о пересмотре судебных уставов Августейшему Родителю Вашему, незадолго до Его кончины, угодно было в собственноручной надписи выразить желание, «чтобы, наконец, действительное правосудие царило в России».

В милостивом манифесте от 14-го ноября все подданные Ваши с упованием усмотрели, что Ваше Величество «поставляете правосудие основой народного благоденствия».

В словах этих почерпаем мы смелость утруждать внимание Вашего Величества своею всеподданнейшею просьбою.

Государь! В составе Ваших подданных есть целая профессия, стоящая вне правосудия, — профессия литературная. Мы, писатели, или совсем лишены возможности путем печати служить своему отечеству, как нам велит совесть и долг, или же вне законного обвинения и законной защиты, без следствия и суда, претерпеваем кары, доходящие даже до прекращения целых изданий. Простыми распоряжениями администрации изъемятся из круга печатного обсуждения вопросы нашей общественной жизни, наиболее нуждающиеся в правильном и всестороннем освещении; простыми распоряжениями администрации изъемятся из публичных библиотек и кабинетов для чтения книги, вообще цензурою не запрещенные и находящиеся в продаже.

Весь образованный мир уже признает великое значение русской литературы. Благоволите же, Государь, принять ее под сень закона, дабы закону лишь подчиненное и от непосредственного воздействия цензуры светской и духовной законом же огражденное, русское печатное слово могло, в меру своих сил, послужить славе, величию и благоденствию России.

Вашего Императорского Величества
верноподданные

Альбов Михаил; Андреевский Сергей; Антонович Максим; Арсеньев Константин; Баранцевич Казимир; Бекетов Андрей; Бильбасов Василий;

Бродовский Марк; Булич Сергей; Белов Евгений; Вагнер Николай; Василевский Инполит; Ватсон Мария; Вейнберг Петр; Венгеров Семен; Висковатов Павел; Водовозова Елизавета; Волконский кн. Михаил; Вольф Александр; Гайдебуров Василий; Гарин Николай; Гаршин Евгений; Градовский Григорий; Григорович Дмитрий; Гуревич Яков; Загуляев Михаил; Зотов Владимир; Карпов Евтихий; Кареев Николай; Кауфман Александр; Котляревский Нестор; Коялович Михаил; Кривенко Сергей; Латкин Василий; Лебедев Василий; Лейкин Николай; Лесевич Владимир; Лесков Николай; Мамин-Сибиряк Дмитрий; Манассеин Вячеслав; Меньшиков Михаил; Миңцлов Рудольф; Михайловский Николай; Михневич Владимир; Мордовцев Даниил; Мякотин Венедикт; Немирович-Данченко Василий; Нотович Осип; Оболенский Леонид; Пантелеев Логин; Песковский Матвей; Полонский Леонид; Поповицкий Александр; Потанин Григорий; Пятковский Александр; Рубакин Николай; Свешников Митрофан; Семевский Василий; Сементковский Ростислав; Сиповский Василий; Скабичевский Александр; Слонимский Леонид; Слепцов Александр; Смирнова Софья; Спасович Владимир; Станюкович Константин; Субботин Андрей; Тихонов (Луговой) Александр; Трачевский Александр; Фан-дер-Флит Петр; Хирьяков Александр; Чуйко Владимир; Шапир Ольга; Шубинский Сергей; Щепкина Екатерина; Щепотьев Сергей; Южаков Сергей; Яроцкий Василий.

Настоящее всеподданнейшее прошение верим подать Василию Алексеевичу Бильбасову, доктору истории, статскому советнику, жительствовавшему в С.-Петербурге, по Литейной улице, дом № 36.

Константин Константинович Арсенев, действительный статский советник, жительствовавший в Петербурге, по Мойке, № 13.

Андрей Николаевич Бекетов, тайный советник, жительствовавший на Васильевском Острове, по 2-й линии, д. № 11—6.

Семен Афанасьевич Венгеров, кандидат историко-филологического и юридического факультетов, жительствовавший по Серпуховской, д. № 2.

Григорий Константинович Градовский, коллежский советник, жительствовавший по Бассейной улице, д. № 20.

Матвей Леонтьевич Песковский, кандидат физико-математического факультета, жительствовавший на Васильевском Острове, Средний проспект, дом № 46.

8-е января 1895 г.

С.-Петербург.

Нижеподписавшиеся, проживающие в Москве, сим удостоверяют, что они присоединяются к всеподданнейшему прошению, подписанному 78-ю петербургскими писателями, подать которое уполномочен В. А. Бильбасов.

Анненский Николай; Анофриев Владимир; Балталон Петр; Бларамберг Павел; Бальмонт Константин; Вернадский Владимир; Виноградов Павел;

Владиславлев Владимир; Водовозов Николай; Вокач Николай; Герценштейн Михаил; Гольцев Виктор; Гранат Игнатий; Грот Николай; Ермилов Владимир; Златовратский Николай; Иванов Иван; Иванюков Иван; Каблукон Николай; Казанский Иван; Каллаш Владимир; Корелин Михаил; Лавров Вукол; Лукин Александр; Медведев Лев; Милоков Павел; Невежин Петр; Немирович-Данченко Владимир; Попов Александр; Ремезов Митрофан; Сергеенко Петр; Стороженко Николай; Сумбатов князь Александр; Тихомиров Дмитрий; Чехов Антон; Эфрос Наум.

27 февраля 1895 г.

Москва.

ЗАПИСКА О НУЖДАХ РУССКОЙ ПЕЧАТИ

О пересмотре законов о печати.

С 1865 года, с издания закона 6 апреля, русское печатное слово приобрело некоторую долю независимости и свободы. С того времени, однако, законодательство о печати не только не совершенствовалось, но во многих отношениях вернулось к прошлым стеснениям и ограничениям гласности и свободы обсуждения. Практическое применение законов о печати еще более усилило недостатки юридического ее положения. Во всей Европе и в образованнейших государствах мира печать подчинена лишь ограничениям закона и воздействию суда; у нас она находится или в полной зависимости от цензуры, или под действием таких административных взысканий и мер, которые в иных случаях тяжелее и неблагоприятнее для гласности и свободы обсуждения, а тем более для издательской и литературной собственности, нежели предварительная цензура — в самые строгие времена ее проявления.

В 1880 году была учреждена особая комиссия под председательством графа Валуева для улучшения законов о печати; в заседания этой комиссии призывались, в качестве «сведущих людей», представители печати: но труды ее были прерваны¹. Взамен этого в 1882 году, 27 августа, были изданы «временные правила» относительно печати, изъятой от цензуры, которые, соответственно тогдашним исключительным обстоятельствам, признавались необходимыми «впредь до изменения в законодательном порядке действующих постановлений о печати». С тех пор прошло более 12 лет, а исключительные и «временные правила» не только продолжают свое действие, но и введены путем кодификации в действующий «Устав о цензуре и печати» (том XIV Свода Законов).

Услуги, оказываемые русской печатью, влиятельное положение ее, приобретенное талантами, знаниями и добросовестностью виднейших русских писателей, не только в нашей общественной жизни, но и за

пределами России, дают основание желать, чтобы осуществился, наконец, возвешенный еще в 1880 году и подтвержденный в 1882 году, в виде предстоящей необходимости, пересмотр в законодательном порядке действующего «Устава о цензуре и печати» для уравнивания ее с положением журналистики в других просвещенных государствах, на основах законности и правосудия.

I. Действующие постановления о печати.

Закон о печати 6 апреля 1865 года (носивший, в свою очередь, *временный* характер) создал разделение русской печати на два главных отдела: подцензурную и изъятую от предварительной цензуры. Освобождение от предварительной цензуры распространяется лишь на некоторую часть столичной печати; вся же провинциальная печать и значительная часть *столичной не пользуется законом 1865 года и состоит под цензурой*. Так как общее улучшение юридического положения печати зависит от пересмотра постановлений о бесцензурной печати, т.е. закона 6 апреля 1865 года и последовавших в нем изменений, то важнее всего остановиться на этих узаконениях и условиях их применения.

Разрешение книг и повременных изданий. До 1865 года разрешение издания книг зависело от цензуры и тех ведомств, которых касалось содержание сочинений. С 1865 года дозволено издавать книги (оригинальные до 10 печатных листов, а переводные до 20-ти) *без предварительной цензуры* по всем предметам, за исключением подлежащих духовной цензуре. Администрации, однако, предоставлено не выпускать книги из типографии, если содержание ее вредно или преступно. Такая книга может быть уничтожена или судом (независимо от наказания виновного автора или издателя), или Комитетом министров. На провинцию правила эти вовсе не распространяются, почему издание бесцензурных книг сосредоточивается исключительно в столицах. Разрешение повременных изданий, зависевшее прежде от Высочайшего соизволения и вообще представлявшее немало трудностей, предоставлено министру внутренних дел. По существу дела, все подобные разрешения должны создавать издательское право для всех безупречных граждан и входить в область гражданских законов; недозволение издательской деятельности равносильно лишению или ограничению гражданских прав; оно может являться лишь исключением, а не общим правилом. Так и смотрели многие министры на предоставленное им право разрешения изданий, но бывали примеры и обратных усмотрений. Проходили иногда периоды в несколько лет, в течение которых вовсе и никому не разрешалось новых изданий². Кроме того, по прямому указанию закона (ст. 122 Устава о цензуре и печати) разрешенное издание может свободно переходить в другие руки; для законности этого перехода требуется лишь простое заявление от старого и нового издателей, но Главное Управление по

делам печати уничтожило это право, требуя от издателя подписку в том, что он не передаст издания другому лицу без особого разрешения.

Вследствие такой неопределенности и шаткости издательского права оно превращается в привилегию, а разрешения приобретают значение *концессии*. Число периодических, особенно политических, изданий не только не возрастает, несмотря на прирост населения и увеличивающуюся потребность в чтении, но даже уменьшается. Так, в Петербурге в настоящее время гораздо меньше политических газет, нежели в конце 70-х и начале 80-х годов.

Обеспечивается ли этим концессионным способом выдачи разрешений хотя нравственная и умственная доброкачественность издателей? Этого не только нельзя сказать, но достаточно сравнить нынешних издателей с прежним их составом, чтобы убедиться в противном. В прежние времена издателями журналов и газет были сами писатели; в настоящее время в это литературное дело все более и более вторгается промышленник, сообщая изданию промышленное направление. Многие писатели даже не покушаются на издательское дело ввиду шаткости издательского права и обречены на роль вечно зависимых работников; зато имеются другие, которые спекулируют выдаваемыми им разрешениями, несмотря на не раз доказанную уже на опыте несостоятельность их перед подписчиками.

Подобная же неопределенность господствует и в редакторском праве. Бывали случаи, когда изданию отказывалось в утверждении целого ряда редакторов — без объяснения причин отказа.

Выдающимся примером в этом роде служит история, разыгравшаяся с «С.-Петербургскими ведомостями» при переходе их с дозволения надлежашего ведомства в руки банкира Баймакова³. Нравственный и умственный ценз редакторов, в свою очередь, скорее понизился, нежели возвысился. Некоторые из них прямо являются в подставной роли.

Запрещение изданий. По закону 6 апреля 1865 года и по действующему уставу, запрещение издания, обнаруживающего вредное направление, принадлежит власти Правительствующего Сената (по первому департаменту) или же суду, в случае преступления. По суду не было прекращено ни одного повременного издания; при посредстве же Правительствующего Сената была запрещена лишь газета «Москва» покойного И. С. Аксакова. Таким образом, ст. 148 Устава о цензуре и печати, хотя и не отменена, но оставляется в полном бездействии. До 1882 года если некоторые издания и были запрещены, то по всеподданнейшим докладом министра внутренних дел, а с 1882 года по соглашению четырех министров, указанных во «Временных правилах» 27 августа. Но помимо прямого запрещения многие повременные издания прекратили свое существование не вследствие явно установленного вредного направле-

ния их, а вследствие непосильной тяжести налагаемых на них административных взысканий, из-за физической невозможности подчинения «Временным правилам» 1882 года, которые требуют, чтобы ежедневная газета была отпечатана и представлена в подлежащие учреждения не позже 11 часов вечера, предшествующего дню выхода. Это требование лишает газету возможности своевременно помещать все вечерние известия и телеграммы. Под давлением подобных мер и кар прекратили свое существование, в числе многих других, газеты: «Молва», «Порядок» и «Голос», из которых последний имел самое широкое распространение и оценивался по меньшей мере в три миллиона рублей, а «Молва» обошлась своему издателю в несколько сот тысяч рублей.

Помимо нравственной и умственной стороны, заключающейся в прекращении или ограничении литературной деятельности, подобные потери в издательском деле, вызываемые простыми административными распоряжениями, без следствия, защиты и суда, не могут не колебать чувства законности и начала собственности. В большинстве подобных случаев являлись: разорение издателей-писателей, неспособных обращать литературное призвание свое в промышленное дело, самое безысходное, угнетенное положение данной группы сотрудников и безработица для всех служащих в конторах и типографии погибшего издания.

Административные взыскания. По закону 1865 года установлено лишь одно административное взыскание для освобожденных от цензуры повременных изданий в форме *предостережений*, причем третье предостережение влечет *приостановку* издания на срок до шести месяцев.

Эта форма взысканий заимствована из французского закона о печати времен Второй империи и в настоящее время не существует ни в одном просвещенном государстве.

Право *предостережений* предоставлено единоличной власти министра внутренних дел. Неудобства такого единоличного руководства общим направлением русской мысли, зависящие от взглядов и проходящих усмотрений одного министра, не раз сообщали печати весьма одностороннее направление и создали неодинаковость отношений ее к тем или другим ведомствам, учреждениям, действующим законам и предметам обсуждения. Относительно внешней политики, финансов, суда и даже высших государственных установлений печать фактически приобрела несравненно более свободы, права оглашения и критики, нежели относительно учреждений и предметов ведомства Министерства внутренних дел, особенно со времени упразднения III отделения Собственной Его Величества канцелярии. В то время как деятельность Министерства иностранных дел, финансов, юстиции, а одно время и военного, подвергалась не раз самой придирчивой критике, действия полиции, общей и врачебной, не исключая даже урядников, почти

совершенно изъяты из гласности; голод, эпидемии и эпизоотии не раз незаметно и врасплох застигали Россию, вследствие такой односторонности в фактическом осуществлении прав и обязанностей печати, а деятельность суда, общественных учреждений, земств и городских дум получала невыгодное освещение, сравнительно с административной и бюрократической деятельностью.

Система «предостережений», влекущих за собою приостановку издания, помимо указанного уже разорительного значения ее, отличающаяся всеми элементами случайности и неравномерности взыскания, падающая не только на прямых виновников «вредного направления», но на всех причастных к изданию и на имущественное положение многих семейств, усиливает свои неудобства тем еще обстоятельством, что в законе *не определено никакой давности* для обязательной их силы. Случалось не раз, что *третье* предостережение, влекущее за собою приостановку издания, делалось много лет спустя после первых двух; этот продолжительный промежуток времени, наглядно указывающий на полное желание издания не противоречить взглядам администрации, нисколько не смягчает и не устраняет тяжести последствий, соединенных с третьим предостережением; а между тем, в большинстве случаев, обнаружилось, что первые два предостережения, сохраняющие свою карательную силу, даны за те взгляды или оглашение таких фактов, которые признаются или установлены в данное время правительством. Так, например, при отсутствии давности, сохраняли свою силу предостережения, данные за осуждение политики бывшего болгарского князя, принца Александра Баттенбергского, за разоблачение уфимской раздачи участков, за указания на пользу разных съездов, за мнения о малоземелии или упадке крестьянского хозяйства, за сомнения в плодотворности гимназической реформы 70-х годов и т.п. Неудобства безграничности действия первых двух предостережений не раз вызывали сложение их по особым Высочайшим повелениям. Но такая амнистия по делам печати последовала в последний раз 16 декабря 1877 года. В настоящее время почти все наиболее распространенные и влиятельные газеты и многие журналы находятся под действием *двух предостережений*, из которых первые насчитывают за собою 10–15 лет⁴. Недостатки этой карательной системы, равносильной фактической отмене прав, дарованных печати законом 6 апреля 1865 года, сознаются, очевидно, и Министерством внутренних дел, которое в последнее время прибегает к вовсе не установленной в законе форме воздействия на *свободную* печать в виде *внушений*, из которых гласное последовало относительно «Нового времени» год тому назад, по поводу статей о морском цензе, а остальные, сопровождаемые угрозами, делаются келейно при посредстве Главного управления по делам печати или даже цензурного комитета.

Приостановка изданий за нарушение циркуляров. В 1873 году, 16 июня, последовал закон следующего содержания: «Если по соображениям *высшего правительства* найдено будет неудобным оглашение или обсуждение в печати в течение некоторого времени какого-либо *вопроса государственной важности*, то редакторы изъятых от предварительной цензуры повременных изданий поставляются о том в известность чрез Главное управление по делам печати по распоряжению министра внутренних дел (ст. 140 Устава о цензуре и печати). На случай нарушения этих распоряжений министру внутренних дел предоставляется останавливать издание на срок до трех месяцев» (ст. 156).

Если бы закон 1873 года соблюдался в точности, в установленных им пределах и по вполне ясному разуму его, то эта вторая административная кара не возбуждала бы никаких сомнений или неудобств. На деле получилось, однако, совершенно иное. Весьма важные вопросы и явления государственной и общественной жизни устранялись от обсуждения в то именно время, когда печать могла содействовать правильному и разностороннему их истолкованию. Административные распоряжения, делаемые на основании указания закона, реже всего зиждуются на «соображениях *высшего правительства*», менее всего относятся к тем «*вопросам государственной важности*», оглашение которых могло бы принести какой-либо вред, и действуют не в пределах «некоторого времени», а *безгранично*. Вместо «соображений высшего правительства» источниками запретительных распоряжений являются нередко личные желания того или другого начальника, даже частных учреждений и лиц. К «вопросам государственной важности» причислялись, например, крупный проигрыш в карты частного лица, несчастный случай на железной дороге, оскорбление, нанесенное в дворянском собрании, городские выборы, неправильные действия общественных банков и т.п. Кандидат в городские головы, опасавшийся, что критика его действий повредит успеху его избрания, исхлопотал распоряжение о воспрещении печати касаться этого «вопроса»; директор акционерного банка или страхового общества, разорывшего своих клиентов, добывал распоряжение об изъятии деятельности этого акционерного учреждения из предметов оглашения и обсуждения, печатая в то же время объявления, рекламы и балансы, вводившие публику в заблуждение. Невозможно привести в известность все число подобных запретительных распоряжений, которые сообщаются лишь для прочтения, без обозначения срока действия их и без всяких мотивов; но их можно извлечь из дел Главного управления по делам печати. Так как трудно упомянуть, каких только фактов или вопросов не касаются эти бессрочные циркуляры, самое число которых указывает, что они далеко выходят за пределы, предусмотренные законом, то любая газета и любой журнал нарушают

эти распоряжения, основываясь лишь на том, что они давно последовали или устранились влияния тех лиц, которые исходатайствовали их. В числе подобных распоряжений любопытно указать на ограничение гласности, последовавшие относительно железных дорог и даже путешествий министра путей сообщения. При посредстве этих распоряжений получается то, чего не достигается иногда путем предостережений, отсутствием давности для них и сохранением Дамоклова меча в виде двух предостережений над большинством газет и журналов.

Запрещение розничной продажи. В уставе о цензуре перечислены все те административные кары, которые применимы к бесцензурной журналистике. Они сводятся к *приостановкам* издания после третьего предостережения или за нарушение циркуляров о воспрещении касаться «вопросов государственной важности». О праве запрещения розничной продажи газет вовсе не упоминается. Но в отделе о торговле произведениями печати содержится указание, что «министру внутренних дел предоставляется указывать полицейским начальствам, при выдаче оными дозволений на розничную продажу на улицах, площадях, станциях железных дорог и в других *публичных местах и торговых заведениях* разного рода дозволенных книг и повременных изданий отдельными номерами, те периодические издания и брошюры, которые не должны быть допускаемы к розничной продаже». Очевидно, это торговое ограничение относится к тем изданиям, которые по своему содержанию и постоянному направлению не должны иметь широкого распространения. Но на практике из этого ограничения книжной торговли выработалась особая административная кара для газет в виде неопределенного по времени и размерам денежного штрафа, причем запрещение относится к редакциям, к их конторам, а не только к перечисленным в законе «публичным местам и торговым заведениям». Обращенное в административную кару воспрещении розничной продажи дается на срок и бессрочно, в самых разнообразных случаях, главным образом за какие-либо промахи и мелкие нарушения правил о печати, вполне определенные в законе и за которые в *судебном порядке* полагаются незначительные денежные штрафы. Отступая от закона и не обращаясь к суду, управление по делам печати заменяет эти незначительные и легальные взыскания неопределенным и часто весьма разорительным денежным штрафом по административному усмотрению.

Запрещение объявлений. Этой кары также нет в законе об административных взысканиях, налагаемых на бесцензурную печать; она была установлена для подцензурной печати в 1863 г. и не подтверждена законом 6-го апреля 1865 г.; тем не менее, кодификационным путем этот род взыскания попал в Устав о цензуре и печати, и были примеры применения его к бесцензурным изданиям в очевидный ущерб торгово-промышленным интересам и той публике, которая нуждается в пу-

бликациях. В 1863 г. объявления и публикации не имели еще важного экономического и общественного значения, как в настоящее время, да и существовавшая тогда исключительно подцензурная печать фактически встречала менее стеснений, нежели нынешняя «свободная» от предварительной цензуры.

Общее заключение. Из изложенного видно, что закон 6 апреля 1865 года желал создать в России независимую печать, обеспеченную от случайностей и превратностей цензурных усмотрений, гласность и свободу обсуждения. Злоупотребления печатным словом предусмотрены карательными законами и подчинены общим органам правосудия, с некоторыми лишь изъятиями из правил о подсудности и судопроизводстве. Для ограничения или же пресечения вредного направления администрации предоставлено было право временных приостановок и, в крайнем случае, запрещения издания при посредстве представлений, рассматриваемых и утверждаемых Правительствующим Сенатом.

В действительности за исключением дел об оскорблениях частных и второстепенных должностных лиц и учреждений вся ответственность по делам печати происходит в административном порядке, без предварительного расследования, без объяснения и защиты, помимо суда.

По духу закона и по мотивам его, изложенным в соображениях Государственного совета, в России должны существовать гласность и свобода обсуждения. На деле ни того, ни другого нет. Вследствие приведенной системы применения как легальных, так и нелегальных административных взысканий, внушений и распоряжений утратилось даже сознание, что закон 1865 г., уничтоживший предварительную цензуру, тем самым обеспечил гласность и свободу обсуждения. В самом «Уставе о цензуре и печати» тщетно было бы искать указаний на права печати, дарованные в 1865 г.; о них упоминается лишь косвенно в «Уложении о наказаниях», в *примечании* к карательной ст. 1035, в таком виде: «Не вменяется в преступление и подвергается наказаниям обсуждение как отдельных законов и целого законодательства, так и опубликованных правительственных распоряжений, если в напечатанной статье не заключается возбуждения к неповиновению законам, не оспаривается обязательная их сила и нет выражений, оскорбительных для установленных властей». При такого рода кодификации закона 1865 г. можно заключить, что оглашение фактов и обсуждение их не влекут лишь уголовного наказания для «виновных», но не освобождают их от административных взысканий и усмотрений. Подобный взгляд на «права печати» укореняется в такой мере, что в прошлом, 1894 г., во время возобновившейся в Петербурге холеры, по поводу газетных указаний и мнений о противогигиеническом положении столицы и неудовлетворительности врачебно-полицейского надзора простым распоряжением

Министерства внутренних дел была распространена предварительная цензура на освобожденные от нее повременные издания относительно всех статей и известий по холере (которая, кстати напомнить, застала все население врасплох, под влиянием подобного же запрещения, и вызвала панику в Баку, Астрахани и других поволжских городах). В данном случае цензура не только была восстановлена в нарушение закона 1865 г., но и возложена на непредусмотренные законом органы ее. Разрешение всех известий и статей по холере в Петербурге не было поручено цензурному комитету, а предоставлено тому же градоначальству, действия которого подвергались обсуждению.

«Свободная» столичная печать безропотно покорилась такому нелегальному распоряжению, потому что не раз убеждалась, что под цензурой чисто промышленная издательская деятельность несравненно устойчивее и сопряжена с меньшим риском, нежели без цензуры, хотя, как известно, цензурное разрешение не обеспечивает изданий от приостановок и запрещений административным путем.

В Высочайше утвержденном 16 июня 1873 г.⁵ мнении Государственного совета по поводу необходимости *временных* ограничений гласности и свободы обсуждения выражены были следующие соображения:

«Изданием этого постановления, созидающего законную основу для распоряжений, неизбежно вызываемых иногда высшими интересами государства, нисколько не стесняются те пределы, в которых доныне представлялось печати обсуждать политические и общественные вопросы. Новое постановление, по самому разуму и цели его, может иметь применение лишь в обстоятельствах чрезвычайных и редких. Нет сомнения, что органы печати, правильно понимающие призвание свое служить пользам отечества, и сами собою, без всякого принуждения, подчинялись бы в сих обстоятельствах приглашению правительства. Посему особое о сем правило и взыскание за неисполнение оного может относиться лишь к тем совершенно исключительным, однако, как показывает опыт, возможным случаям, когда одно чувство долга и нравственной ответственности не удержит от опасной по своим последствиям нескромности. Предполагаемая для ограждения от подобной нескромности мера не будет отступлением и от утвердившегося у нас с 1865 года основного начала, в силу коего правительство с отменой предварительной цензуры устраняет себя от стеснительного тяготения над сущностью высказываемых в печати мнений, преследуя в ней лишь нарушения закона, неприличие формы и явно вредное направление. Это начало сохранится в полной силе, ибо цель и действия нового постановления будут состоять не в том, чтобы направлять суждения прессы в каком-либо определенном смысле, а только в том, чтобы в случаях особой необходимости вовсе устранить из области печатной полемики предметы,

которые временно не должны подлежать гласности. Таким образом, правительство останется, как и теперь, непричастным разнообразию встречающихся в печати воззрений, и нравственная ответственность за верность печатаемых сведений, за правильность и разумность суждений будет по-прежнему всецело лежать на самих органах печати».

Приведенные соображения и цели законодателя не могли осуществиться при тех постановлениях, в которые означенные намерения вылились и применяются в действительности. Это служит добавочным указанием на необходимость коренного пересмотра и улучшения действующего Устава о цензуре и печати.

II. Желательные улучшения в законах о печати.

1. *Повременные издания и печатание книг* не следует подчинять предварительному разрешению; достаточно установленного заявления о приступе к изданию и условиях его, на основании существующих уже программ или предъявления отпечатанной книги или брошюры в надлежащее учреждение, до выпуска ее из типографии. Если необходимо установить какие-либо ограничения относительно издательской деятельности или лиц, которым не может быть предоставляемо издательское право, то таковые ограничения должны быть обозначены в законе.

2. *Запрещение книг, изданий или издательской деятельности* должно быть предоставлено суду за определенные в законе или повторительные правонарушения.

3. *Предостережения повременным изданиям и приостановки их* следует вовсе отменить, так как уголовные и исправительные наказания вместе с возможностью ареста, совершенного уничтожения книг или прекращения изданий вполне обеспечивают государство, общество и частных лиц от возможных злоупотреблений печатным словом.

4. *За незаконное оглашение в печати фактов или вопросов особой государственной важности* достаточно установить надлежащее наказание по степени вреда, могущего произойти от такого оглашения, и применять таковое наказание в общем судебном порядке. Самое установление не подлежащих оглашению фактов (например, плана мобилизации войск, оборонительных предположений, тайных дипломатических переговоров и т.п.) может быть обозначено в законе.

5. *Запрещение розничной продажи и объявлений* в виде взыскания должно быть отменено.

6. *За правонарушения*, совершенные путем печати, взыскания с виновных должны налагаться исключительно по суду с воспрещением или уничтожением изданий или книг в подлежащих, указанных в законе, случаях. Для немедленной отмены системы административных взысканий и для подчинения печати судебной ответственности имеются в настоящее время вполне готовые нормы как в уложении о наказаниях,

так и в законах о судопроизводстве; достаточно лишь некоторого пополнения их в указанных выше случаях или для предупреждения развития шантажа и порнографии. За преступления и проступки по делам печати наши законы налагают весьма строгие наказания, доходящие до лишения всех прав состояния и каторжной работы. Если о существовании подобных наказаний многие даже не подозревают, то это лишь указывает, что общее направление печати вполне легально и безупречно. Вообще было бы ошибочно предполагать, будто воздействие уголовных законов и суда будет более потворствовать злоупотреблениям печатным словом, нежели цензура или административные взыскания; напротив, в действительно важных случаях судебная ответственность гораздо строже, нежели ответственность перед цензурой; но вместе с тем получают и твердо обеспеченные нормы для гласности и свободы печати, для осуществления принадлежащих ей прав и обязанностей в служении государственным и общественным интересам.

7. Действие закона и суда надлежит распространить на всю печать, как столичную, так и провинциальную.

Примечание. Постановления о литературной собственности и некоторые уголовные законы, относящиеся к печати, в свою очередь, устарели и требуют пересмотра; но это, надо надеяться, входит в круг обязанностей комиссий, трудящихся над разработкой нового уложения по гражданскому и уголовному праву.

С осуществлением означенных предположений умственная жизнь России войдет в правильные, устойчивые нормы, а созданная почином Петра Великого печать, верная заветам гениальнейших представителей русской литературы, получит возможность оберечь себя от той порчи, которая начала вкрадываться в нее в последние годы под действием постановлений, заимствованных из наполеоновской Франции и извративших французскую журналистику в такой мере, что в настоящее время потребовались особые усилия для очищения ее от дурной накипи.

Законность и правосудие избавят русских писателей от ярма, налагаемого на печать промышленною предприимчивостью и угодничеством низменным вкусам. Освобожденное от излишних стеснений, печатное слово будет неизменно сеять «разумное, доброе, вечное».

Примечания

«Записка о нуждах русской печати» была составлена публицистом Григорием Константиновичем Градовским (1842–1915) и подана Николаю II через Комиссию прошений. В докладе министра внутренних дел И. Н. Дурново прошение было охарактеризовано как дело «одного лагерь, наиболее видными представителями коего в настоящем слу-

чае выступили Бильбасов, один из главнейших руководителей газеты „Голос“, причинявший в свое время огромный вред; Григорий Градовский, постоянный сотрудник того же издания, который восторженно приветствовал Веру Засулич <...> Леонид Полонский, бывший редактор журнала „Страна“, подвергавшегося строгим карам и наконец вовсе запрещенного» и было признано «не заслуживающим вовсе уважения» (РГИА. Ф. 1238. Оп. 16. Т. 1. Л. 452–452 об.). Резолюция Николая II гласила: «Вполне согласен» (РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 30. Л. 40).

Документ печатается по изданию: Самодержавие и печать в России. СПб., 1906. С. 27–56 (курсив оригинала).

---

¹ «Особое совещание для обсуждения основных начал, на которых возможно было бы приступить к окончательному пересмотру ныне действующих законоположений и временных правил о печати» под председательством П. А. Валуева работало в октябре 1880 — феврале 1881 г. К его работе были привлечены деятели периодической печати: Н. П. Гиляров-Платонов, В. В. Комаров, А. А. Краевский, В. А. Полетика, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. М. Стасюлевич, А. С. Суворин. Заседания комиссии не возобновились после убийства Александра II. Подробнее см.: *Патрушева Н. Г.* Цензура и печать в России в конце 1860-х — начале 1880-х гг.: (История цензурной контрреформы) // Solanus: International Journal for russian and East European bibliographic, library and publishing studies. New Series. 1997. Vol. 11. P. 78–86.

² Имеются в виду издания с общественно-политическими программами. Так, например, по данным отчета Главного управления по делам печати за 1872 г. известно, что из 76-ти ходатайств о разрешении новых изданий с общественно-политическими программами, поступивших в этом году, ни одно удовлетворено не было (РГИА. Ф. 776. Оп. 11 — 1872. Д. 108 а. Л. 33–33 об.).

³ Баймаков Федор Петрович (1831, по другим источникам 1834–1907) — биржевой и банковский деятель, издатель.

⁴ Так, например, к 1895 г. «С.-Петербургские ведомости» находились под действием первого предостережения с 1878 г., «Неделя» — с 1884 г., «Биржевые ведомости» — под действием второго — с 1886 г.

⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. 48. № 52395.